

На правах рукописи

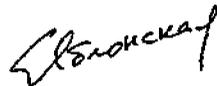
Яблонская Елена Андреевна

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата культурологини

Челябинск – 2006

Работа выполнена на кафедре культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Апухтина Нина Георгиевна

Официальные оппоненты: доктор культурологии, профессор
Девятова Ольга Леонидовна

кандидат культурологии, доцент
Морозова Ирина Николаевна

Ведущая организация: Магнитогорская государственная
консерватория

Защита состоится 20 декабря 2006 года в 15 часов на заседании диссертационного совета К 210.020.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата культурологии при Челябинской государственной академии культуры и искусств по адресу: 454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36 а, ауд. 206 (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Автореферат разослан 19 ноября 2006 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат культурологии, доцент

Ю. Б. Тарасова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Тема настоящего исследования является проекцией на конкретный материал музыкальной культуры последней трети XX века способа мышления, формирующего характерную для той или иной личности систему норм и ценностей, управляющего конкретными интерпретациями внешнего мира и определяющего поведение отдельной личности в конкретных культурных и социальных контекстах, а также механизма структурирования, сохранения и передачи культурной информации, который может быть определён как феномен интертекстуальности.

В ситуации хаотично и постоянно изменяющихся условий функционирования музыкальной культуры конца XX века, последняя, предъявляя человечеству всё новые и новые артефакты, до сих пор развивается в отсутствие методологического обоснования взаимосвязи своих важнейших феноменов. Вследствие этого субъекты музыкальной культуры вынуждены действовать, основываясь на устаревших мировоззренческих теоретических конструкциях и нежизнеспособных методологических постулатах. Данная ситуация ведёт к несоответствию профессионального уровня субъектов музыкальной деятельности требованиям культурной среды и социальной реальности.

Между тем, наука, породив в результате распада своей классической парадигмы такую сферу научной деятельности, которая определяется термином «культурология», в свой постклассический период получила сформировавшийся на пересечении нескольких научных подходов и исторически сложившихся методологий инструментарий культурологического знания, который, возникнув в результате социокультурных трансформаций, позволяет переосмыслить и само понимание культуры, и принципы взаимодействия между различными культурами, их компонентами и самими культурными сообществами. Именно поэтому нами избран в качестве основополагающего при разборе объекта и предмета предлагаемого вниманию диссертационного исследования культурологический аспект, в котором предпочтение отдано теоретико-методологическому срезу.

Актуальность представленной работы также обусловлена рассмотрением в ней эвристического потенциала постмодерна как стиля мышления в методологических инновациях наук гуманитарного цикла в целом и музыковедения в частности. В исследовании рассмотрены проблемы структурирования и функционирования музыкальной культуры, что является актуальным с точки зрения определения задач музыковедения и музыкального образования, формирования современной культуры мышления и компетентности решений в сфере музыкальной деятельности.

Адаптация критической методологии постмодернизма к реалиям музыкальной культуры, применение к различным ситуациям её бытования методик анализа, восходящих к объективируемым языковым системам и системам трансляции и ретрансляции информации представляется тем более актуальной, что сама природа музыкального искусства, невербального по своей сущности, предоставляет материал для одного из возможных направлений приложения интерпретативного (в терминологии З. Баумана) разума.

Для современного состояния музыкальной культуры, отличающегося неоднозначностью, свойственной всему общественному устройству конца XX – начала XXI века, нестабильностью, многообразием функционирования и содержательного наполнения, так же как и для всех остальных форм культурной жизни, проблема поиска примирения человека с внутренне плюралистичной природой мира и её неизбежным следствием – амбивалентностью и непредданностью человеческого существования – чрезвычайно актуальна.

Вопрос о степени разработанности проблемы в случае описания феномена интертекстуальности осложняется чрезвычайной подвижностью и многозначностью самого объекта исследования. Формулировке категории интертекстуальности непосредственно предшествует проблема текста, сформулированная в рамках литературного структурализма (Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс) со специфическими герменевтическими нюансами (Ф. Шлейермахер, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикёр) и получившая статус одного из центральных философских концептов в постструктурализме. Концептуальная теория «нарратива»

«повествования»), оформившаяся в трудах Ж.-Ф. Лиотара и Ф. Джеймисона, которая провозгласила познаваемость мира лишь в форме «литературного» дискурса, составила то проблемное поле, которое неразрывно переплетается с теорией интертекстуальности, придавая ей новые оттенки смыслов при каждом новом с ней соприкосновении.

Непосредственными источниками теории интертекстуальности являются исследования анаграмм Ф. де Соссюра, историческая поэтика А. Н. Веселовского, учение о пародии Ю. Н. Тынянова, полифоническое литературоведение М. М. Бахтина. Для понимания феномена интертекстуальности важно историческое значение и разнообразные воплощения металогической фигуры скрытого смысла текста – иронии, ведущей свою традицию от античной культуры (Сократ, Платон); далее в исторической перспективе её развитие связано с именами Лукиана, Эразма Роттердамского, Дж. Свифта и др.; как универсальный принцип мышления и творчества ирония ярко заявляет о себе в немецком романтизме (Ф. Шлегель, А. Мюллер, Л. Тик, К. В. Ф. Зольгер). С. Кьеркегор понимал сущность сократической иронии как отрицание наличного порядка вещей на основании его несоответствия идеям, а Х. Ортега-и-Гассет говорил о сохранении искусства в XX веке через подобное самоотрицание. Механизмом осуществления иронии выступает игра, классическая концепция которой сформировалась к началу XX века (А. Ф. Лосев, позже – Й. Хейзинга).

Став одним из основных принципов постмодернистской критики после фиксации в работах Ю. Кристевой, феномен интертекстуальности под влиянием теоретиков структурализма и постструктурализма (в области литературоведения в первую очередь – А. Ж. Греймаса, Р. Барта, Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Дерриды и др.) развивался в направлении уподобления сознания тексту, интертекстуального растворение суверенной субъективности человека в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст» культурной традиции. Мир, пропущенный через призмы интертекстуальности, предстаёт как огромный текст, в котором всё когда-то уже было сказано, а новое возможно только по

принципу калейдоскопа; автор, текст и читатель – это единое «бесконечное поле для игры письма».

Разрабатывая в исследованиях по теории музыки проблемы, связанные с принципами организации музыкального материала, Е. В. Назайкинский, В. В. Медушевский, И. И. Земцовский в той или иной степени приближённости рассматривали в своих трудах и проблему текста. Последняя, не являясь специфической для музыкознания, получила развитие в исследованиях преимущественно последнего десятилетия, сводясь, по существу, к трудам Л. О. Акопяна и М. Г. Арановского. Проблемы смыслопорождения в музыке в рамках музыкальной семиотики составляли содержание трудов Г. А. Орлова, теория музыкального содержания разрабатывалась в исследованиях В. Н. Холоповой, А. Ю. Кудряшова, Л. П. Казанцевой. Однако, указанные выше труды не учитывали общей картины разработки проблемы интертекстуальности в современной постмодернистской гуманитаристике и оставались в пределах проблемного поля музыкознания.

Таким образом, проблема данного диссертационного исследования основывается на противоречии между фиксируемой плюралистичностью картины мира, нашедшей своё воплощение в постмодернистской теории интертекстуальности, и недостаточной степенью отрефлексированности данного факта применительно к музыкальной культуре последней трети XX века.

Объектом настоящего исследования является интертекстуальность как феномен, отражающий одну из атрибутивных характеристик культуры постмодерна.

В предметную область исследования входит анализ проявления феномена интертекстуальности в рамках музыкальной культуры последней трети XX века, рассматриваемой в совокупности её социальных, креативных и теоретических составляющих.

Цель данного исследования – выявление интертекстуальных аспектов музыкальной культуры последней трети XX века для их осознания и использования в современной художественно-культурологической аналитике.

Поставленная цель позволяет сформулировать следующие задачи исследования:

1) выявить теоретические предпосылки формулировки концептуальной идеи интертекстуальности в их исторической перспективе, а также соотнести эти предпосылки с художественной практикой, предшествовавшей реализации этой идеи в последней трети XX века;

2) выявить динамику смысловых трансформаций идеи интертекстуальности в западной гуманитаристике в период от введения термина в обиход гуманитарного знания до настоящего времени;

3) соотнести теорию музыкального текста в отечественном музыковедении с особенностями проявления феномена интертекстуальности в музыкальной культуре последней трети XX века в сферах музыкального творчества и исполнительства;

4) изучить интертекстуальные аспекты музыковедения и музыкального образования на рубеже XX-XXI веков;

5) рассмотреть медитативность как интертекстуальный метод мышления в музыкальной культуре последней трети XX века.

Теоретико-методологической базой исследования явились труды отечественных и зарубежных авторов в области теории и истории культуры, философии, семиологии, истории и теории музыки (музыковедения), среди которых особый акцент был сделан на теоретических и методологических аспектах постнеклассической науки.

Имея в качестве теоретико-методологического основания *постмодернистскую эпистему*, исследование во многих своих моментах происходит из положений, изложенных в работах Ж. Дерриды, Ж. Лакана, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, М. Фуко, Р. Барга, Ю. Кристевой, Ж. Бодрийара, П. Козловски, Ф. Джеймисона, У. Эко, Д. Фоккемы, И. Хассана и др.

Важной методологической основой исследования являются *культурно-исторический подход*, давший возможность проследить истоки феномена интертекстуальности в исторической перспективе; *семиотический подход* (рабо-

ты Ф. де Соссюра, Ч. Пирса, У. Эко, Ю. Лотмана), позволивший, с учётом специфических характеристик материала музыкальной культуры, наметить результативные пути исследования содержательного потенциала артефактов музыкальной культуры. Достаточно плодотворным оказалось использование *элементов синергетической методологии* (труды Р. Пригожина, И. Стенгерс, Г. Хакена, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова), объясняющей процессы функционирования и организации интертекстуальных образований от момента креативного импульса до момента их социального утверждения, а также в процессе их интерпретативных модификаций. В качестве методологического основания в диссертации использовался *принцип дополнительности* (Н. Бор), позволивший коснуться весьма разнонаправленных аспектов описываемого феномена интертекстуальности благодаря актуализации субъективного фактора в интертекстуальных процессах.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- 1) комплексно представлены источники возникновения теории интертекстуальности в их историческом и жанровом многообразии;
- 2) прослежена динамика смысловых трансформаций идеи интертекстуальности в западной гуманитаристике в период от введения термина в обиход гуманитарного знания до настоящего времени;
- 3) рассмотрены варианты описания теории музыкального текста в отечественном музыкознании, а также исследованы исторически предшествовавшие оформлению теории интертекстуальности в западной гуманитаристике интертекстуальные тенденции в музыкальной культуре XX века; выявлены специфические характеристики музыкального искусства, актуализирующие теорию интертекстуальности для описания музыкальных артефактов; описаны возможные аспекты приложения интертекстуальных характеристик к процессу создания (драматургия, техника, структура, процессы, свойства, фиксация материала), воспроизведения и понимания (невербальной и вербальной интерпретации) музыкальных произведений;

4) предпринята попытка решения постмодернистской проблемы художественности научного творчества в музыкознании через анализ использования в исполнительской и аналитической практике текстов креолизованного типа, включающих в качестве обязательной составляющей иконические знаки, а также создание музыковедами аналитических текстов, аналогичных по своим композиционным характеристикам свойствам описываемых музыкальных произведений; применение методологии интертекстуальности к явлениям музыкально-педагогической науки делает возможным прогноз структурных и содержательных изменений системы музыкального образования;

5) впервые в контексте теории интертекстуальности дано описание феномена медитативности в западной музыкальной культуре последней трети XX века.

Положения, содержащие элементы новизны и выносимые на защиту.

1. Феномен интертекстуальности должен быть оценён как фундаментальное явление в структуре человеческого существования. Имея в качестве биофизиологического основания синхронизацию деятельности различных отделов мозга человека, актуализируя наряду с сознательной составляющей бессознательное в его мышлении, которое в результате может быть описано как нелинейно развивающееся, ризоматическое и ризоморфное, интертекстуальные образования несут в себе многоликие возможности значений их содержания, зависящие как от явно или неявно, часто неосознанно цитируемых источников и внешней семиотической среды, к которой для интертекста может быть отнесён субъективный мир автора, а также аксиологическая система отсчёта и культурный опыт читателя, слушателя, зрителя, интерпретатора.

2. Понимание интертекстуальности как машины памяти (присутствие неосознанных мыслительных стереотипов в любом тексте в виде ускользающих «остаточных смыслов»), актуализирующее проблему традиции и новаторства, проблему оригинального в творческом акте, позволяет трактовать любой текст как результат и апробацию широкого поля комбинаторных возможностей языка в бытийности текста, понимать текст как стимул интерпретативных усилий адре-

сата и, следовательно, зафиксировать изоморфность процесса создания и прочтения текста креативному акту по созданию смыслов.

3. Музыкальная культура в различных своих проявлениях (в музыкальном творчестве, музыкознании, социальном бытовании музыки) исторически подготовила и предвосхитила оформление теории интертекстуальности в западноевропейской гуманитаристике последней трети XX века. Этому способствовали такие специфические характеристики музыкального искусства, как смыслопорождение в формах, выходящих за пределы дискурсивно-логических практик, и значимость невербальных форм мышления в процессе создания и интерпретации музыкального сочинения, порождающее широкое поле возможностей, выборов, ассоциаций и синестезий: многозначность содержания графически зафиксированного музыкального текста в результате весьма относительной фиксации в нём длительностей звуков, динамики, темпа, тембра и артикуляции; принадлежность музыкальному искусству «текста», написанного на языке эмоций, чувств, настроений и относящегося к области бессознательного, в сочетании с обязательной корреляцией порывов вдохновения с точным расчётом в творческом акте.

4. Интертекстуальность актуализируется как метод объяснения экзистенциально переживаемой событийной текучести жизни посредством принципиально инакового по отношению к вербальным дискурсам классического и постклассического знания музыкального высказывания, синхронного бытию и постигаемого эмпатийным вхождением в эмоциональный мир Иного. Нелингвистическое означение, позволяющее включить в акт объяснения поле бессознательного, позволяет моделировать музыкальный аналог процессуальности самой жизни, даёт ключи к решению насущной проблемы современности -- проблемы понимания.

5. Презумпция интертекстуальности требует формирования в рамках профессионального музыкального образования некоего условного «интертекстуального канона» музыкальной культуры (подвижный в содержательном и структурном плане набор текстов, культурных клише, стандартных символов,

формирующих инвариантные образы мира, «языковые» знания, которые вместе с прагматическими «неязыковыми» образуют то речемыслительное единство, которое соответствует профессиональной компетентности музыканта). Профессиональный словарь музыканта должен быть подкреплён освоением методик постоянного поиска факультативных знаний, что предполагает структурную перестройку учебных заведений (новые кафедры, факультеты, специализации) с опорой на изучение традиционного базового инварианта и правом выбора спецсеминаров, ориентированных на весьма широкий веер дополнительных прикладных квалификаций выпускников; разработку в опоре на новые интертекстуальные методологические позиции частных методик преподавания.

Научно-практическая значимость исследования. Осознание теории интертекстуальности как методологической основы процессов и явлений музыкальной культуры рубежа XX-XXI столетий позволяет:

- в процессе музыкального творчества моделировать музыкальный аналог процессуальности самой жизни, ориентируясь на равноправное сосуществование в рамках конкретных сочинений стилистически разных (порой контрастных) элементов – на уровне тематизма, развертывания формы, концепции произведения и т.д. и т.п.;

- в процессе потребления произведений музыкального искусства конца XX – начала XXI в.в. иметь ключи к решению проблемы, актуальной для всех исторических этапов развития музыкального искусства, – проблемы понимания;

- в процессе воспроизводства музыкальной культуры формировать новую политику государства в отношении учреждений музыкального образования с принципиальной «инаковостью» конфигурации учебной работы и финансового обеспечения каждого образовательного учреждения при единственном критерии успешности функционирования последних – востребованности выпускников; осуществлять структурную перестройку учебных заведений (новые кафедры, факультеты, специализации) с опорой на изучение традиционного базового инварианта и правом выбора спецсеминаров, ориентированных на весьма широкий веер дополнительных прикладных квалификаций выпускников;

- в рамках профессионального музыкального образования разрабатывать в опоре на новые интертекстуальные методологические позиции частные методики преподавания с учётом некоего интертекстуального канона музыкальной культуры, а также имея в виду обширный контекстный подход в сочетании с освоением методик постоянного поиска факультативных знаний; в рамках решения узких задач структурирования специальных дисциплин, совокупность которых призвана осуществить воспроизводство музыкальной культуры в будущем, проектировать и осуществлять междисциплинарный диалог, предстающий в виде виртуального проблемного поля, которое раскрывается как спектр возможностей для постановки частных задач.

Материалы и выводы исследования могут быть использованы в высшей школе в учебных курсах культурологии, философии и ряде курсов музыковедческого цикла – «истории современной музыки», «анализе музыкальных форм» и др.

Апробация работы осуществлялась автором в процессе обсуждения на заседаниях кафедры философских наук, кафедры культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств, в выступлениях и докладах: на III Международной научной конференции «Россия и Восток: Проблемы взаимодействия» (Челябинск, 1995), Международной научной конференции учёных, аспирантов, студентов «Мир культуры: человек, наука, искусство» (Самара, 1996), XXI научно-теоретической конференции преподавателей ЧГИИК по итогам научно-исследовательской работы в 1996, 1997 г.г. (Челябинск, 1998), Втором Российском философском конгрессе «XXI век: будущее России в философском измерении» (Екатеринбург, 1999), XXII научно-теоретической конференции преподавателей ЧГАКИ по итогам научно-исследовательской работы в 1998, 1999 годах (Челябинск, 2000), Межвузовской областной научно-практической конференции «Развитие профессионального образования на пороге III тысячелетия» (Челябинск, 2000), Межрегиональной конференции «Культура на пороге третьего тысячелетия в свете культурологического знания» (Челябинск, 2000), XV научно-методической конференции преподава-

телей ЧГАКИ «Пути совершенствования учебного процесса в современных условиях на основе Государственных образовательных стандартов» (Челябинск, 2001), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы музыкальной культуры, искусства и образования» (Челябинск, 2001), XXIII научно-теоретической конференции преподавателей ЧГАКИ по итогам научно-исследовательской работы в 2000, 2001 г.г. (Челябинск, 2002), XXIV научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава ЧГАКИ «Культура – искусство – образование: Новые идеи в теории и практике» (Челябинск, 2003), V областной научно-практической конференции «Актуальные проблемы музыкально-эстетического образования: содержание, формы, методы» (Челябинск, 2003), городской научно-теоретической конференции «Проблемы модернизации музыкального образования» (Челябинск, 2003), городской межвузовской конференции «Современные проблемы методологии, теории и практики музыкального образования» (Челябинск, 2004), XXVI научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава ЧГАКИ (Челябинск, 2005), Международной научно-практической конференции «Музыкальная культура новой России» (Челябинск, 2005). Результаты исследования отражены в 17 публикациях общим объёмом 5,1 п.л.

Структура и объём диссертации. Структура работы обусловлена последовательностью разрешения цели и основных задач исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав (пяти параграфов), заключения, библиографического списка использованной литературы (включающего 249 наименований) и приложений, содержащих нотные тексты, иллюстрирующие те или иные моменты диссертационного исследования. Общий объём работы составляет 163 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор и актуальность темы исследования, выясняется степень её разработанности, формулируются цели и задачи исследования, его методологическая и теоретическая основа, характеризуется научная новизна и научно-практическое значение исследования, излагаются основ-

ные положения, выносимые на защиту, освещаются формы апробации диссертационной работы.

Первая глава «Интертекстуальность как категория постмодернистского мировидения» посвящена рассмотрению объекта настоящего диссертационного исследования в историко-теоретическом ракурсе.

В первом параграфе «Историко-теоретические предпосылки становления проблемы интертекстуальности», последняя рассматривается как понятие постмодернистской текстологии, обозначающее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой, оформившееся в последней трети XX века. Формулировка термина «интертекстуальность» явилась закономерным следствием длительного развития философской мысли, отражением и аккумуляцией рефлексии учёных и философов по поводу ряда проблем, понятий, концептов и явлений культуры. К моменту формирования постмодернистского мировидения в гуманитаристике оформился ряд тенденций, которые привели в последней трети XX века к кристаллизации концепции интертекстуальности как явления семантической поливалентности (знака, слова, текста и, в постмодернистской перспективе, – человека и мира).

К культурно-историческим предпосылкам, которые позволили в последней трети XX века сформулировать концепцию интертекстуальности, следует отнести:

- принцип анаграмм Ф. де Соссюра, сопричастный интертекстуальности неясностью цитируемого текста в цитирующем, но меняющего значение последнего благодаря своему в нём присутствию;
- труды А. Н. Веселовского по «поэтике сюжетов», дающие ключ к определению роли традиции в процессе личного творчества и пониманию механизмов возникновения нового содержания, проявляющегося в старых образцах в каждой культурной эпохе;
- учение о пародии Ю. Н. Тынянова, трактовавшего последнюю как организацию нового материала через десемантизацию старой знаковой формы и возникновению в результате нового содержания;

- амбивалентность смыслового наполнения романтической иронии как универсального принципа мышления и творчества, давшей мощный импульс постмодернистской многослойной глубине прочтения текста;

- осознание в начале XX века игры как пути создания и становления новых форм связей в ситуации всё возрастающей тотальной неопределённости и хаотичности бытия, позволяющее овладеть навыками двупланового поведения и осознать прагматическую значимость контекста в вариативном моделировании ситуаций;

- коммуникационный поворот в постмодернистской артикуляции философской проблематики благодаря актуализации проблемы Другого;

- универсальный интерес представителей западной интеллигенции к восточной натурфилософии, предполагающей самоопределение личности через резонирование с другими сущностями того же рода.

Нонселекция исходных культурных артефактов, принципиальная ацентричность, ненормативность культурной среды, подготовленная такими жанровыми явлениями как центоны, палимпсесты, пастиччо, на основе которых в конце XX века выросла концепция постмодернистского пастиша, – то культурное поле, которое породило осознание феномена интертекстуальности как фактологического явления, без которого немислим сам мир текстов, как метода герменевтического (через текст) анализа лингвокультурного сознания (термин Г. В. Денисовой) индивидуума (автора, читателя, исследователя).

Смена прагматических ориентиров субъекта, места и времени, делающая новым любое высказывание, а также отклик на «другое», отсутствующее слово в стилизации, пародии или полемике делают конституируемую дискурсивную инстанцию множественной и полифоничной, сотканной из мозаики рядоположенных явных и неявных цитат, составляющих основу контекстной вариативности смыслового наполнения текстов. Таким образом, к последней трети XX века гуманитаристика оказалась готова к формулировке концепции интертекстуальности.

Во втором параграфе «Динамика теории интертекстуальности в последней трети XX века» прослеживается динамика смысловых трансформаций термина «интертекстуальность» в последней трети XX века. Феномен интертекстуальности может быть characterized как разнонаправленный и чрезвычайно динамичный.

Рассматриваемая, прежде всего, как категория коммуникации интертекстуальность может быть оценена как фундаментальное явление в структуре человеческого существования. Появившийся в постструктуралистской лингвистике термин «интертекстуальность» – не только литературоведческая категория, но понятие, определяющее миро- и самоощущение современного человека в Универсуме, отличающемся от классической детерминированной картины мира и актуализирующем в качестве инструмента его освоения наряду с сознательной составляющей бессознательное в мышлении человека. Принципиальная многоплановость мира оформлена в лингвистике в изоморфной этому миру принципиально многоплановой теории интертекстуальности, процессуальность бытия которой соответствует динамическому аспекту Универсума.

Трактованная в работах Ю. Кристевой, Р. Барта, М. Риффатерра, Х. Блума, М. М. Бахтина, Р. Лахманн, Ж. Женетта как поливалентный феномен, интертекстуальность предстаёт в трудах указанных исследователей как механизм эмерджентности – возникновения нового качества, нового смыслового наполнения текстов, понимаемых как динамичные, нелинейно развивающиеся системы. Возможные аспекты значений, заложенные в текст, зависят как от явно или неявно, порой неосознанно цитируемых источников (по Ж. Бодрийару, онтологический прообраз постмодернистской философии – бессознательное), так и внешней семиотической среды. К последней для текста относятся субъективный мир Автора, а также аксиологическая система отсчёта и культурный опыт Читателя.

Понимаемый как принципиально диалогическое явление, феномен интертекстуальности рассматривается в постмодернистской эпистеме как полилог текстов, процессуальность каждого из которых реализуется как нелинейная.

«Открытое произведение» (У. Эко), являясь результатом и апробацией широкого поля комбинаторных возможностей языка в бытийности текста и стимулируя интерпретативные усилия адресата, воспроизводит в акте коммуникации с аудиторией художественно описываемую действительность и имеет в качестве возможных версий организации материала процессуальность бытия ризомы (Ж. Делёз, Ф. Гваттари). Понимание интертекстуальности как машины памяти акту-ализирует проблему традиции и новаторства, проблему оригинального в творческом акте (Х. Блум, Р. Лахмани); исторически активные связи между текстами, наследуемые Ж. Женеттом, – проблему жанровой связи текстов.

Отметим, что отождествление сознания человека с письменным текстом (А. Ж. Греймас, Р. Барт, Ж. Лакап, М. Фуко, Ж. Деррида и др.) привело к пониманию общества, истории и самого человека как составляющих «великого интертекста» культурной традиции. Осмысление понимания и интерпретации текста как процедуры безгранично вариативных его прочтений позволяет зафиксировать изоморфность процесса создания и прочтения текста креативному акту по созданию смыслов, детерминированному контекстом. Любая языковая личность формируется в рамках лингвокультурного пространства, в котором социально выработанные стандартные символы и представления образуют текстовый потенциал, который во многом оперирует на бессознательном уровне и активизируется в зависимости от прагматических условий коммуникации.

Неосознанные мыслительные стереотипы, присутствующие в любом тексте в виде ускользающих «остаточных смыслов», атрибутивная наделённость человеческого языка риторичностью и метафоричностью позволяют в рамках литературоведческого постструктурализма констатировать художественность мышления человека вообще, существование научного знания в виде полу- или целиком художественного произведения и, в рамках теории нарратива, познаваемость мира в форме «литературного дискурса». Следствием этого следует также признать значимость литературного мышления и его жанровых форм для любого типа знания.

Будучи связана с лингвистикой и этимологически, и теоретически, теория интертекстуальности представляется весьма перспективным инструментом расширения культурного пространства в результате создания междисциплинарных проектов в целях генерации новых смыслов, осознания путей взаимодействия и описания способов существования культурных феноменов, изоморфных онтологической полифоничности Бытия.

Вторая глава «Методологические аспекты интертекстуальности музыкальной культуры последней трети XX века» посвящена выявлению точек соприкосновения оформившейся в рамках постструктуралистской лингвистики теории интертекстуальности и музыкальной культуры, являющейся неотъемлемой частью культурного Универсума, а также методологическим аспектам указанного феномена в функционировании музыкальной культуры на рубеже XX-XXI столетий.

В первом параграфе «Теория музыкального текста в отечественных исследованиях последней трети XX века» рассматриваются теоретико-методологические проблемы, связанные с текстами музыкальной культуры последней трети XX века. Стремление к упорядочиванию Универсума, преодолению хаотичности и раздробленности мира включило деятелей музыкальной культуры в сложные поиски новой культурно-философской парадигмы, породило стремление к осознанию себя в Мире через поиски смысла музыки. При этом лексикон музыкального деятеля всё активнее ассимилирует общегуманитарную терминологию, а музыкознание как часть гуманитарного знания осваивает современную философско-эстетическую проблематику.

Экстраполяция теории интертекстуальности в корпус явлений музыкальной культуры была подготовлена наличием в последней многих интертекстуальных тенденций. Среди них:

- музыкальная практика неоклассицизма периода его расцвета в 1920-1930-е годы, отмеченная возрождением старинных форм и жанров, обращением к цитированию «чужого слова», работой по моделям эпохальных и индивидуальных стилей;

- исторически предвосхитившая разработку теории интертекстуальности интонационная теория Б. В. Асафьева (вторая часть книги «Музыкальная форма как процесс», 1947 г.) с социолингвистической направленностью его идей относительно музыки если не как языка, то как речевой деятельности, направленной на общение; музыки как «искусства интонируемого смысла», в котором микрофрагменты текста – «бытующие интонации» – обладают некими потенциями определённой выразительности, т.е. способны актуализировать уже существующие музыкальные смыслы;

- ещё более исторически раннее (период эпохи барокко) закрепление семантики за рядом интонационных лексем (например, музыкально-риторических фигур), дающих целый шлейф былых коннотаций в результате «чисто интуитивного выбора, подсказанного совокупностью стиля, традиции, жанра, памяти, сети ассоциативных связей и т.п.» (М. Г. Арановский).

Таким образом, музыкальная культура в различных своих проявлениях (в музыкальном творчестве, музыкознании, социальном бытовании музыки) исторически подготовила и предвосхитила оформление теории интертекстуальности в западноевропейской гуманитаристике последней трети XX века, что свидетельствует об актуальности избранной для исследования темы и научной новизне работы, ставящей своей целью описание трансдисциплинарного взаимодействия общегуманитарных знаний и научной рефлексии по поводу музыкальной культуры.

Между тем, особенности музыкального текста и воплощения в нём феномена интертекстуальности могут быть выяснены лишь на пересечении универсального и специфического. К таким специфическим характеристикам музыкального искусства относятся:

- смыслопорождение в формах, выходящих за пределы дискурсивно-логических практик и значимость невербальных форм мышления в процессе создания и интерпретации музыкального сочинения, порождающие широкое поле возможностей, выборов, ассоциаций и синестезий – путь к потенциальной открытости любого музыкального произведения;

- ёмкость и многозначность содержания графически зафиксированного музыкального текста в результате весьма относительной фиксации в нём длительностей звуков, динамики, темпа, тембра и артикуляции;

- безоговорочная принадлежность музыкальному искусству «текста», написанного на языке эмоций, чувств, настроений и относящегося к области бессознательного в сочетании с обязательной корреляцией порывов вдохновения с точным расчётом в творческом акте, имеющей психофизиологическое происхождение в интертекстуальном взаимодействии сознательных и бессознательных ресурсов мозга;

- множественность невербальных вариантов интерпретации музыкальных текстов, проистекающая от невербальной природы музыкального материала.

Перечисленные характеристики в свете описанных в I главе исследования культурных реалий свидетельствуют о значительном эвристическом потенциале предмета настоящего исследования в рамках заявленной темы.

Интертекстуальные характеристики в музыкальных произведениях в зависимости от избранных методик исследования могут относиться:

- к макроуровню музыкальной композиции (явление параллельной драматургии);

- к технике композиции (подстилистика в трёх основных аспектах: работа со стилями как объектами творческого моделирования, технология выстраивания внутритекстовых отношений, эстетические и концептуальные предпочтения композитора);

- к музыкальным структурам (текст, контекст, лексем, лексика, лексическая парадигма, лексическая парадигматика, метатекст);

- к музыкальным процессам (стереотипизация лексем, миграция лексем, контекстуальная трансформация лексем, интертекстуальные взаимодействия);

- к свойствам (стихийность образования, по преимуществу внесознательная форма функционирования, виртуальный характер выбора, вероятностная форма реализации, тенденции самоорганизации);

- к значимым для музыкального сочинения этапам творческого процесса;
- к авторскому анализу как специфическому музыкальному тексту;
- к музыке без средств графической фиксации;
- к музыке, дополненной визуальным аспектом в процессе исполнения;
- к музыке, отражающей структуру вербального языка;
- к общей поэтике произведения, отражающей место и роль составляющих в интертекстуальной модели сочинения;
- к генетике и функциональному аспекту музыкального материала в их внутренних связях и смысловой нагрузке;
- к реконструкции культурной памяти произведения, хранящей различные культурные коды;
- к реконструкции горизонта ожиданий слушателя, на которого ориентировался композитор в момент создания произведения.

Интертекстуальной природой обладает также феномен интерпретации музыкального произведения, мультипликативно совмещающий в акте исполнения (толкования) музыки интенции музыкального текста, а также субъективные биофизиологические и психологические интенции интерпретатора в сочетании с социальными условиями интерпретации.

Во втором параграфе «Отечественное музыкознание и музыкальное образование последней трети XX века в контексте теории интертекстуальности» предпринята попытка объяснения места и роли отечественного музыкознания последней трети XX века в сложной нелинейно развивающейся системе современного научного представления о мире. Касаясь в исследовании вопросов, объединённых вокруг проблемы художественности научного творчества, отметим, что если в классической парадигме между стилями художественной прозы, поэзии и нормативным стилем научного высказывания возводится непреодолимый барьер, в научных исследованиях отмечается их «монологический характер и принципиальная бесподтекстность», то в эпоху постмодерна музыковедение должно быть в идеале настолько же областью науки, насколько и

ветвью искусства. Манера, форма, стиль, лексика и даже масштабы изложения материала понимаются как выразительно-смысловые средства. Художественная же литература при этом всё более становится «наукой», и многие писатели фиксируют этапы, методы работы над огромными запасами перерабатываемых архивных материалов. Аналогично, музыкальное творчество в соответствии со своей невербальной спецификой берёт на вооружение интуицию – «интуицию теории» (И. Стравинский), сочетающую в себе разум и эмоцию, создавая «произведения как эскерсисы» – с постановкой композитором технической задачи и её решением в русле определённой художественной идеи – или «произведения как исследования» с экспериментальной трактовкой творчества, например, в части структурной организации. Сближение двух эпистемологических традиций – научной и художественной – происходит на основе решения задачи технического качества, родственного исследованию по поэтике, описывающего технологические аспекты сочинения, но не раскрывающего его смыслы. Иногда эта задача может быть представлена в виде «авторского анализа» – существующего наряду с графическим нотным вербального эквивалента музыкального сочинения.

Попытки музыкознания войти в содружество с родственными научными дисциплинами, исходящими из интерпретации художественных артефактов, успешны лишь до определённого предела. Литературоведение говорит словами о словах, музыковедению приходится мириться с невозможностью полной адекватности. Понимая интерпретацию музыкального произведения как интерактивный мультипликативный текст, имеющий в детерминированной части графический нотный текст, а в стохастической – субъективные психофизиологические характеристики и личный культурный опыт интерпретатора, музыковед может привлечь в свой аналитический аппарат синергетический инструментарий. Дополнительный интертекстуальный элемент может внести использование в исполнительской и аналитической практике текстов креолизованного типа, включающих в качестве обязательной составляющей иконические знаки. Естественным продолжением этой тенденции являются попытки создания музыкове-

зыкального образования с принципиальной «инаковостью» конфигурации учебной работы и финансового обеспечения каждого образовательного учреждения при единственном критерии успешности функционирования последних – востребованности выпускников (в духе Болонской конвенции).

Укладываемые в исследуемый нами интертекстуальный методологический подход к явлениям музыкальной и музыкально-педагогической науки все перечисленные сферы функционирования музыкальной культуры требуют частных исследований, посвящённых более детальной проработке подходов и позиций.

В третьем параграфе «Медитативность как интертекстуальный метод мышления в музыкальной культуре последней трети XX века» избрание предмета изучения опиралось на возникший в последней трети XX века в среде западной интеллигенции интерес к атрибутивной принадлежности многих и разных восточных религиозно-философских учений – медитации.

Используя новейшие методы обработки данных, нейрофизиологи обнаружили координацию работы отделов мозга во внешне аморфном, но внутренне процессуально интенсивном состоянии медитирования. Интертекстуальный потенциал нейродинамических ансамблей, актуализирующий одновременное и равноценное использование логического и интуитивного мышления, результатом которого становится внезапный и бурный процесс переструктуризации знания, установления связей между доселе несоединимым, является тем естественным источником и импульсом, который породил феномен медитативности в музыкальном (и не только музыкальном) искусстве. Этот термин, как мы полагаем, должен применяться не только и не столько к музыке, которая лишена устремлённости и динамизма. На буддийско-даосском Востоке противоречие между субъектом и объектом, наблюдателем и наблюдаемым снимается в духе целостного подхода, совпадающего с предустановленным порядком, вселенским ритмом, и называемого Срединным путём. Западное мировидение последней трети XX века выдвигает во многом совпадающую с изложенным выше идею «диалога культур»: «В произведениях культуры воплощено само событие

дами аналитических текстов, аналогичных по своим композиционным характеристикам свойствам описываемых музыкальных произведений (подобный опыт был осуществлён и автором данного исследования). Способом выявления различных планов, подчёркивающим параллельное существование различных уровней содержания, которое сконструировано в линейный текст по принципу монтажности, в такой исследовательской литературе являются различные шрифты, являющиеся обязательными элементами текста.

Если в содержательном плане музыкальная педагогика предстает собой редуцированный вариант музыкознания, то презумпция интертекстуальности требует формирования в рамках профессионального музыкального образования некоего условного «интертекстуального канона» музыкальной культуры (подвижный в содержательном и структурном отношении набор текстов, культурных клише, стандартных символов, формирующих инвариантные образы мира, «языковые» знания, которые вместе с прагматическими «неязыковыми» образуют речемыслительное единство, которое соответствует современному пониманию профессиональной компетентности музыканта). Профессиональный словарь музыканта обязательно должен быть подкреплён освоением методик постоянного поиска факультативных знаний. Это предполагает:

- создание вербального эквивалента современной музыкальной культуры, учитывающего обширные контекстные подходы, в рамках научной деятельности музыкального вуза;
- структурную перестройку учебных заведений (новые кафедры, факультеты, специализации) с опорой на изучение традиционного базового инварианта и правом выбора спецсеминаров, ориентированных на весьма широкий спектр дополнительных прикладных квалификаций выпускников;
- разработку с новых интертекстуальных методологических позиций частных методик преподавания с учётом достижений прикладной психологии (NLP, топонимика Я. Бродецкого как методики актуализации полисенсорного опыта и опыта коммуникации с окружающей средой и т.д. и т.п.);
- разработку новой политики государства в отношении учреждений му-

произведения бытия ... из небытия, рождения мира ... из хаоса материала, плоскости полотна, смешения красок, из гула мировых ритмов, философских недоумений, сомнений и апорий, мгновений нравственного катарсиса, отчаяния и веры на грани божественного Ничто ... Только сосредоточенная, воплощённая в произведение культура может быть местом и формой возможного диалога. Любое произведение есть форма, формирующая (а не информирующая) своего зрителя (слушателя, читателя...). Культура зрения, слуха, мысли не просто их "развитость", но внутренняя многосубъектность и диалогичность» (А.В. Ахутин). Используя терминологический аппарат западной гуманитаристики, дополним в духе эпистемы эпохи постмодерна понятие «диалог культур» понятием «интертекстуальность», объясняющим технику диалогического роста, развёртывания возможных разнокультурных смыслов.

Музыкальное искусство и культура последней трети XX века нередко демонстрирует многостороннюю разноплановость. Огромное внимание к звуку, тембрам, краскам; существенные изменения соотношения звуков друг с другом и провалы в пустоту звучания, напряженная вибрация тишины; новое ощущение единства с потоком времени и отход от прежнего понимания музыкального текста как объекта, имеющего начало, середину и конец; смешение смыслов, знакомых образов, соединение несопоставимых плоскостей и интонаций; звучание знака, символа – интонационного, визуального и вербального – и фонетика слова; трансформация звуковых величин путём смены обертонового наполнения и при движении в пространстве, среде звучания; и, наконец, синергизм творчества тех композиторов, которые осознают особую духовную и, если угодно, религиозную сущность своего искусства, – все эти явления современного западного музыкального искусства получают новый смысловой объём, освящённые духом сосредоточенной медитативности, позволяют увидеть себя как бы заново: «через всю толщу культуры, через всю многослойность текста, через всю полимодальность человека» (И. Земцовский).

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, намечаются проблемы, требующие дальнейшего изучения.

Основные положения диссертации представлены в следующих публикациях:

1. Яблонская, Е. А. Медитативность как метод мышления в современной музыке [Текст] / Е. А. Яблонская // Россия и Восток : Проблемы взаимодействия. III-я Международная науч. конф. (29 мая - 4 июня 1995 г.) : тез. докл. - Челябинск, 1995. - Ч. 3. - С. 197-199. - 0,1 п.л.
2. Яблонская, Е. А. Духовность и медитативность как категория стиливого анализа музыки последней четверти XX века [Текст] / Е. А. Яблонская // Мир культуры : человек, наука, искусство : тез. докл. Международной науч. конф. учёных, аспирантов, студентов (21-24 мая 1996 г.). - Самара, 1996. - С. 268-269. - 0,1 п.л.
3. Яблонская, Е. А. Медитативность как метод мышления в современной музыкальной культуре : Опыт постановки проблемы [Текст] / Е. А. Яблонская. - Челябинск : Изд-во ЧГИИК, 1998. - 20 с. - 1 п.л.
4. Яблонская, Е. А. Музыкальное искусство в контексте культуры постмодерна [Текст] / Е. А. Яблонская // Тезисы докладов XXI науч.-практ. конф. по итогам исследовательской работы преподавателей института за 1996-1997 г.г. (4-5 фев. 1998 г.). - Челябинск, 1999. - Ч. 1. - С. 75-78. - 0,15 п.л.
5. Яблонская, Е. А. К вопросу о методологии постмодернизма в оценке явлений музыкальной культуры конца XX века [Текст] / Е. А. Яблонская // XXI век : будущее России в философском измерении : Материалы Второго Российского философского конгресса (7-11 июня 1999 г.) : в 4 т. - Екатеринбург, 1999. - Т. 3: Философская антропология и философия культуры. - Ч. 2. - С. 192-193. - 0,1 п.л.
6. Яблонская, Е. А. Эвристический потенциал постмодернистских интерпретаций явлений музыкальной культуры конца XX века [Текст] / Е. А. Яблонская // Тезисы докладов XXII науч.-практ. конф. по итогам исследовательской работы преподавателей за 1998-1999 г.г. (4 фев. 2000 г.) - Челябинск, 2000. - Ч. 2. - С. 116-118. - 0,1 п.л.
7. Яблонская, Е. А. Постмодернистский дискурс как методологическое основание современной музыкальной педагогики [Текст] / Е. А. Яблонская // Развитие профессионального образования на пороге 3 тысячелетия : Материалы межвузовской областной науч.-практ. конф. (27 апр. 2000 г.). - Челябинск, 2000. - С. 215-219. - 0,3 п.л.
8. Яблонская, Е. А. Эмоциональный аспект культуры постмодерна [Текст] / Е. А. Яблонская // Культура на пороге третьего тысячелетия в свете культурологического знания : Материалы межрегиональной науч.-практ. конф. (Челябинск, 28 нояб. 2000 г.). - Челябинск, 2001. - С. 78-79. - 0,1 п.л.
9. Яблонская, Е. А. О некоторых аспектах интертекстуальности современной музыкальной культуры [Текст] / Е. А. Яблонская // Актуальные проблемы музыкальной культуры, искусства и образования : Материалы докл. Всероссийской науч.-практ. конф. (16-18 апр. 2001 г.) - Челябинск, 2001. - Ч. 1. - С. 78-79. - 0,1 п.л.

10. Яблонская, Е. А. Воспитание профессионального музыкального слуха в системе высшего образования : к проблеме состояния постмодерна в современной музыкальной культуре [Текст] / Е. А. Яблонская // От государственных образовательных стандартов – к педагогическому творчеству : Материалы XXV науч.-метод. конф. преподавателей (8 фев. 2001 г.) – Челябинск, 2001. – С. 117-119. – 0,1 п.л.
11. Яблонская, Е. А. Топономика музыкально-теоретического занятия [Текст] / Е. А. Яблонская // Актуальные проблемы музыкально-эстетического образования : содержание, формы, методы : Материалы V областной науч.-практ. конф. (25-26 марта 2003 г.). – Челябинск, 2003. – С. 83-85. – 0,1 п.л.
12. Яблонская, Е.А. Симфония в контексте симфонического творчества: Эстетико-аналитические эскизы на тему «Гия Канчели»: в 2 ч. [Текст] / Е. А. Яблонская // Вестник ЧГАКИ : Юбилейный. – Челябинск, 2003. – № 5. – С. 152-162 ; Вестник ЧГАКИ. – Челябинск, 2005. – № 1 (7). – С. 155-171. – 1,8 п.л.
13. Яблонская, Е. А. Современные психотехники в музыкальном образовании [Текст] / Е. А. Яблонская // Проблемы модернизации музыкального образования : Материалы науч.-практ. конф. (22 окт. 2003 г.). – Челябинск, 2004. – С. 69-72. – 0,15 п.л.
14. Яблонская, Е. А. Синергетика музыкального образования : состояние и перспективы [Текст] / Е. А. Яблонская // Современные проблемы методологии, теории и практики музыкального образования : тез. докл. межвузовской науч.-практ. конф. (20-21 фев. 2004 г.). – Челябинск, 2004. – С. 33-35. – 0,1 п.л.
15. Яблонская, Е. А. Музыказнание последней трети XX века : К проблеме интертекстуальности научного творчества [Текст] / Е. А. Яблонская // Культура – искусство – образование : новое в методологии, теории и практике : Материалы XXVI науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава академии. – Челябинск, 2005. – С. 165-167. – 0,15 п.л.
16. Яблонская, Е. А. Интертекстуальность музыкальной культуры: К проблеме содержания музыкального образования [Текст] / Е. А. Яблонская // Музыкальные традиции современной России : Материалы Международной науч.-практ. конф., 28-30 нояб. 2005 г., Челябинск. – Челябинск, 2006. – Вып. 2. – С. 223-225. – 0,15 п.л.
17. Яблонская, Е. А. Интерпретация музыкального произведения как мультипликативный текст / Е. А. Яблонская // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – Электрон. журн. – М. : МГУКИ, 2006. – № гос. регистрации 0420600016. – Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Yablonskaya.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – 0,5 п.л.

Яблонская Елена Андреевна

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата культурологии

Формат 60x84 1/16

Объём 1,2 п.л.

Заказ № 726

Тираж 100 экз.

Челябинская государственная академия культуры и искусства
454091, ул. Орджоникидзе, 36-а
Лицензия ИД № 06283 от 16.11.01

Отпечатано в типографии ЧГАКИ. Ризограф

